спросила Маяковского, как он мог написать поэму об одной женщине (Марии), а посвятить ее другой (Лиле), он ответил, что пока писалось „Облако", он увлекался несколькими женщинами, что среди них не одна Мария... и что в четвертой главе раньше была не Мария, а Сонка...» [14, с. 111]. В четвертой части поэмы действие происходит в Москве: «...я человек... простой,//выхаркканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни» [4, т. 1, с. 192]. Любовное объяснение, полное нервного судорожного напряжения, переходит в жалобы, мольбы: «Судорогой пальцев зажму я железное горло звонка!» [4, т. 1, с. 192]. Предельно обнаженная любовная исповедь человека, у которого «в зубах — опять — черствая булка вчерашней ласки» [4, т. 1, с. 191], противопоставлена ярко расцвеченному миру поэта, который «сонеты поет Тиане». Ведь если лирический герой Игоря Северянина предстает «за струнной изгородью лиры» королем своих «грезерок» и «сюрпризерок», то герой «Облака», дерзко разрушая поэтическую условность, говорит: «тело твое просто прошу, как просят христиане — „хлеб наш насущный//даждь нам днесь"» [4, т. 1, с. 193].

Любовная мука определяет центральные мотивы и образы: «пожар сердца», «отчаянная чечетка» нервов, «обугленный поцелуишко», «трещины губ», «слезы из глаз», сумасшествие, наконец, бунт против земного и небесного уклада. К любимой и Богу герой обращается с одним и тем же вопросом: «Хочешь? Не хочешь?». И узнав о своей отверженности, одиночестве, впадает в безнадежность: «Значит — опять/темно и понуро/сердце возьму,/слезами окапав...» [4, т. 1, с. 194]. За повторяющимся в поэме словом «опять» встают и биографические реалии: настойчивые и неудачные попытки поэта обрести в Петербурге, Одессе и Москве личное счастье.

В первых числах июля 1915 г. Маяковский читал Горькому «Облако в штанах». «Стихи,— вспоминал позже Горький,— очень понравились мне, и читал он отлично, даже разрыдался, как женщина, чем весьма испугал и взволновал меня. Жаловался на то, что человек делится горизонтально по диафрагме. Когда я сказал ему, что — на мой взгляд — у него большое, хотя, наверное, очень тяжелое будущее..., он угрюмо ответил: „Я хочу будущего сегодня" и еще: „Без радости не надо мне будущего, а радости я не чувствую!"... Вел он себя очень нервозно, очевидно, был глубоко расстроен...» [14, с. 107—108].

В эту пору, на даче в Малаховке, Маяковский ухаживал за Эльзой Каган (1896—1970). И хотя, проявляя обычную настойчивость, часами гулял с нею по лесу и просиживал в ее комнате до ночи, успеха не имел [15, с. 187]. Старшая сестра Эльзы Л. Ю. Брик (1891—1978) стала той женщиной, которая откликнулась на страстный любовный призыв Маяковского. После всех любовных мук, испытанных им, встреча с нею стала, по словам самого поэта, «радостнейшей датой», которую он хранил в сердце и пронес, несмотря на тяжелейшие испытания, через всю жизнь.

...Освещение личной жизни Маяковского было у нас долгие годы под запретом. О значении сталинской оценки (декабрь 1935 г.) метко сказал Б. Пастернак: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен» [16, с. 266]. Маяковского превратили в официозного поэта, существо цельнометаллическое, лишенное слабостей и ошибок. Миф о поэте, бодро шагающем по жизни с одним лозунгом — «и жизнь хороша, и жить хорошо»,— настолько утвердился в общественном сознании, что когда в 1958 г. появились письма Маяковского к Л. Ю. Брик, в которых были, например, такие строки (декабрь 1922 г.): «Я сижу в кафе и реву. Надо мною смеются продавщицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою... Если ты почувствуешь от этого письма что-нибудь, кроме боли и отвращения, ответь, ответь, ради Христа, ответь сейчас же, я бегу домой, я буду ждать...» [17, с. 128],— то эти слова, как и вся публикация, вызвала раздражение догматиков и чувство недоумения и растерянности у многих читателей.

Сегодня все иначе. О личной жизни Маяковского мы узнали много нового благодаря публикациям воспоминаний, писем (и связанных с ними комментариев)